



## **Н. В. УСТРЯЛОВ**

### **Patriotica**

#### **1**

В 1905 году, в разгар русско-японской войны группа русских студентов отправила в Токио телеграмму микадо с искренним приветом и пожеланием скорейшей победы над кровавым русским царем и его ненавистным самодержавием.

В том же 1905 году та же группа русских студентов обратилась к польским патриотам с братским приветом и пожеланием успеха в борьбе с царским правительством за восстановление польского государства и свержение русского абсолютизма.

Прошло 15 лет. Капризной игрою исторической судьбы эта группа русских студентов, возмужавшая и разросшаяся, превратилась, худо ли, хорошо ли, в русское правительство и принялась диктаторски править страной.

Тогда нашлась в стране другая группа русских интеллигентных людей, которая стала отправлять в то же Токио телеграммы и даже депутации к микадо и его министрам с искренним приветом и пожеланием победы над кровавыми русскими правителями и ненавистным им комиссародержавием.

Вместе с тем та же группа русских людей обратилась к польским патриотам (в свою очередь созревшим и оформившимся за эти 15 лет) с братским приветом и пожеланием успеха в их борьбе с красным правительством за расширение польского государства и свержение русского деспотизма.

Группа русских пораженцев 1905 года<sup>1</sup> на упрек в антипатриотизме и предательстве родины отвечала обычно, что нужно различать петербургское правительство от русского народа, что русское царское правительство ненавидимо русским народом и что оно не столько русское, сколько немецкое. К этому прибавлялось для вящей убедитель-

ности, что интересы мировой «солидарности трудящихся» должны стоять на первом плане, а русская власть есть их величайший враг. Группа русских пораженцев 1920 года на упреки в антипатриотизме и забвении родины отвечает обычно, что нужно отличать московское правительство от русского народа, что русское советское правительство ненавидимо русским народом, и что оно не столько русское, сколько еврейское... К этому присовокупляется, для пущей убедительности, что интересы мировой «культуры» должны стоять на первом плане, а нынешняя русская власть есть их непримиримый враг...

Но кроме этих двух групп, слава Богу, имеются люди, — и, по-видимому, их все-таки большинство, — которые умеют руководствоваться в своих поступках и мыслях не своим отношением к тому или другому правительству, правящему в данный момент страной, а своим отношением к ней самой как к целостному, живому организму.

Для таких людей недостатки правительства, каковы бы они не были, не могут служить мотивом поддержки внешних чужих сил в их борьбе с родной страной. Для таких людей известный афоризм «всякий народ имеет то правительство, которое заслуживает»<sup>2</sup> приобретает глубокий смысл, гласящий, что лишь те перемены правительства законны и благотворны, которые принудительно вытекают из недр самой страны, самой нации.

И эти люди в 1920 году с таким же решительным осуждением относятся к просительным паломничествам своих соотечественников в чужие столицы, с каким они к ним относились в 1905 году.

Они никогда и ни при каких условиях не могут быть пораженцами. В 1905 году, в минуту национальной опасности, они боролись с внешним врагом под знаменем монархической автократии, несмотря на все ее отрицательные черты, некоторые из которых правильно отмечала группа студентов японофилов. В 1920 году, в момент еще большей национальной опасности, они борются с внешними врагами под знаменем красной власти, несмотря на все ее отрицательные свойства, многие из которых справедливо отмечают пораженцы новой формации.

В 1905 году нынешние пораженцы были активными защитниками отечества. Гений народа был с ними, несмотря на неудачи японской кампании. Пораженцы же 1905 и 1914 годов стали теперь силою вещей активными защитниками страны. И гений народа («оборванец» по инстинкту!) перелетел к ним. Надолго ли? — До тех пор, пока они активно защищают страну.

Прочтите последнее обращение к русскому офицерству генералов Брусилова, Поливанова<sup>3</sup>, Зайончковского<sup>4</sup>, Клембовского<sup>5</sup>,

Парского<sup>6</sup> и др.<sup>7</sup>, — и вы поймете чувства, одушевляющие ныне большинство русских патриотов, в сознании которых не уместается мысль о возможности какого-либо сочувствия и приветствия по адресу внешнего врага, нападающего на их отечество.

И до чего отрадно, до чего символично, что первая война объединяющейся новой России с внешним врагом связана с именем старого боевого генерала старой русской армии<sup>8</sup>: — словно сама история хочет примирить Великую Россию былого с Великой Россией нового дня!..

## 2

Как сейчас помню выступление генерала Брусилова 13 октября 1917 года в закрытом заседании второго съезда «русских общественных деятелей» в Москве.

<...>

Но прошли месяцы, год, другой, — и вот он во главе большевистской красной армии! «Командарм... товарищ Брусилов»...

И этот чудовищный парадокс кажется ныне таким естественным, так просто объяснимым. Брусилов остался тем же, каким был три года тому назад, — и именно потому, что он остался тем же, он стал во главе большевистской армии, своим подвигом замкнув круг ее превращения в русскую национальную армию, нужную стране не для гражданской усобицы, а для защиты от внешних врагов<sup>9</sup>.

И нет ничего легче, как понять мотивы доблестного полководца, слишком старого, чтобы стремиться к «авантюрам», и слишком уже знакомого с боевой славой мирового масштаба, чтобы во имя личного честолюбия прельщаться красным блеском советских наград...

«От великой любви к родине» — ответил, умирая, несчастный генерал Крымов<sup>10</sup> на вопрос о мотиве его самоубийства (корниловские<sup>11</sup> дни).

Этот же мотив — и только он один — руководит и старым главным командующим, принявшим ныне из рук своих недавних недругов ответственнойший военный пост государства в минуту грозной военной опасности. «Великая любовь к родине» повелительно заставляет его отбросить колебания и предрассудки, пренебречь осуждением некоторых из бывших соратников и друзей, и, несмотря на грань, отделяющую его символ веры от идеологии нынешней русской власти, честно отдать ей свои силы и знания.

Он знает, он чувствует — этот Пожарский<sup>12</sup> новой России, — что, защищая Советскую власть, он защищает родину, исторические пути которой в настоящее время причудливо совпали с путями Советской

власти. Ибо испытания последних лет с жестокой ясностью показали, что из всех политических групп, выдвинутых революцией, лишь большевизм при всех пороках своего тяжелого и мрачного быта смог стать действительным русским правительством, лишь он один, по слову К. Леонтьева<sup>13</sup>, «подморозил»<sup>14</sup> загнивавшие воды революционного разлива и подлинно

над самой бездной,  
На высоте уздой железной  
Россию вздернул на дыбы...<sup>15</sup>

### 3

Победа над польским шовинизмом открыла бы широкие перспективы перед новой Россией. Вновь прорубается окно в Европу, наскоро замурованное политиками Версаля, — и притом в месте, наиболее для них одиозном.

Призрак русско-германского сближения, в недалеком будущем могущего привлечь к себе и некоторые другие государства, становится, наконец, вполне реальной угрозой Антанте и вполне конкретным козырем в руках русской власти. И если это сближение было бы немыслимым для всякого ортодоксального противобольшевистского русского правительства, по необходимости явившегося бы послушным проводником союзной воли, — то оно представляется одной из легко осуществимых возможностей для Советской власти и для всякой другой, преемственно с ней связанной или органически из нее выросшей.

Деникин в прошлом году не мог иначе, как резким и «априорным» отказом, ответить на заигрывания Берлина<sup>16</sup>. Ибо его армия всецело зависела от англичан. Прошлогодний Омск<sup>17</sup> был тоже естественно обречен на исключительную и бессильную осторожность в этом вопросе.

Москва в нынешнем году находится в гораздо более благоприятном положении: — красная армия довлеет себе и не зависит от милостей знатных иностранцев. Над Советской Россией не тяготеет рок «верности верным союзникам» и ее международная политика обладает счастливым свойством дерзновения и одновременно гибкости, совершенно недостижимых для групп, законом высшей мудрости которых является бурцевская «Cause Commune»...<sup>18</sup>

Достигшим невиданной внешней мощи, вооруженным до зубов странам согласия теперь гораздо более опасны бактерии внутреннего колебания и волнения, нежели чужеземная военная сила. Как марсиане в фантазии Уэллса<sup>19</sup>, победив земной шар своими диковинными

орудиями истребления, гибнуть от чуждых им микробов земли, — так нынешние мировые гегемоны, покорив человечество, вдруг начинают с тревогой ощущать в своем собственном организме признаки расслабляющего яда своеобразной психической заразы...

При таких условиях большевизм с его интернациональным влиянием и всюду проникающими связями становится ныне прекрасным орудием международной политики России, и слепы те русские патриоты, которые хотели бы в настоящий момент видеть страну лишенной этого орудия какой бы то ни было ценой. Без боязни особого преувеличения можно сказать, что Чичерин<sup>20</sup> вольно или невольно оказывает современной России услугу, аналогичную той, какую в середине прошлого века оказывал Англии ее знаменитый министр иностранных дел, «лорд поджигатель» Пальмерстон<sup>21</sup>. Право же, пора бы нам за эти годы разучиться быть сентиментальными и научиться следовать в наших действиях только велениями «разумного национального эгоизма»...

В наших противобольшевистских кругах теперь склонны чрезвычайно преуменьшать значение и роль «малых государств»<sup>22</sup>, строящих свое бытие на расчленении России. Между тем такое преуменьшение глубоко ошибочно: — дело, конечно, не в этих уродцах на курьих ножках самих по себе, но в том, что за ними стоят великие державы Европы, заинтересованные в ослаблении русского могущества. И «лояльные русские», получив свою власть из рук иностранцев, принуждены будут признать все условия последних. Недаром же наши парижские деятели упрекали Колчака<sup>23</sup> и Деникина в излишней щепетильности насчет принципа единства России и категорически советовали признать всякое окраинное «государство»<sup>24</sup>, если только оно посулит помощь в борьбе против большевиков\*.

Лишь анемичной и бессильной может быть в настоящее время всякая русская власть, чуждая революционной стихии, не имеющая в своем распоряжении принудительной силы революционно звучащих лозунгов. И всякая такая власть не устоит против центробежных стремлений, разлитых по разоренной и выбитой из колеи стране.

Большевистский же централизм, лишь внешне окрашенный демагогией «свободного самоопределения народов», реально страшен живому поясу окраинных карликов. И то национальное дело, на которое

---

\* Ср. по этому поводу весьма поучительную прошлогоднюю переписку В. А. Маклакова с екатеринодарским Национальным Центром. Современный «раскол» в стане русских патриотов есть не что иное, как продолжение, обострение и углубление этого спора.

«лояльному» русскому правительству, быть может, понадобились бы многие десятилетия, ныне — правда, весьма «нелояльно» — обещает быть исполнено в несравненно более короткий срок и с меньшими жертвами.

Революционный процесс развивается у нас органически. При таких условиях нашим Кобленцам<sup>25</sup>, как и Вандеям<sup>26</sup>, едва ли благоразумно рассчитывать на успех. Революционная Россия осталась победительницей, и уже в самой себе найдет она силу преодолеть уродливые крайности своих первых шагов и опытов. Переход от состояния революции к нормальному государственному состоянию произойдет не вопреки и против революции, а через нее. Ныне уже наблюдаются первые ласточки этого перехода (разрыв Ленина<sup>27</sup> с «глупостями смольного периода»<sup>28</sup>). Избежав 9 термидора<sup>29</sup>, благодаря тактической гибкости большевистских вождей, мы словно уже созрели для консулата. И если уж нужны аналогии, всегда неточные, грубые и приблизительные, то можно сказать, что нынешние сражения русской армии на западном фронте, по их внутреннему смыслу, это уже не Вальми<sup>30</sup> великой русской революции. Это — ее Аркольский Мост<sup>31</sup> и Маренго<sup>32</sup>.

## Перерождение большевизма\*

### I

Эта проблема — проблема возможности «эволюционного перерождения» большевизма — силою вещей вновь выдвигается на первый план. Отказ всех противобольшевистских русских группировок от идеологии интервенции, заключение торговых договоров между Россией и европейскими державами, окончательная ликвидация организованной гражданской войны и, наконец, последние мероприятия советского правительства в области земельного вопроса, — все это, вместе взятое, заставляет русских патриотов еще раз продумать вопрос о пути нашего национального возрождения.

Очевидно, что нынешнее ужасное состояние России не может длиться без конца. Даже по самым сдержанным официальным советским

---

\* «Новости Жизни», 6 апреля 1921 года. Эта статья представляет собой отклик на первые вести о «новой экономической политике» Ленина.